

АРТЕФАКТ
ДЕТЕКТИВ

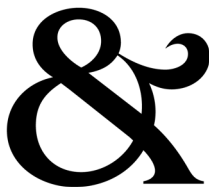

РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ

**Читайте романы
Елены АРСЕНЬЕВОЙ
в серии «Артефакт & Детектив»**

Бабочки Креза
Камень богини любви
Коллекция китайской императрицы
Письмо французской королевы
Рецепт Екатерины Медичи
Ключ к сердцу императрицы
Магический перстень Веры Холодной
Личный оборотень королевы
Дневник ведьмы
Клад вечных странников
Компромат на Ватикан
Портрет королевского палача
Коварные алмазы Екатерины Великой
Мудрая змея Матильды Кшесинской
Код Васнецова
Проклятый подарок Авроры
Клад маньчжурской принцессы
Тайна Зинаиды Серебряковой
Тень черной жемчужины
Перстень Андрея Первозванного
Неизвестная пьеса Агаты Кристи

**АРТЕФАКТ
ДЕТЕКТИВ**

**РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ**

Елена АРСЕНЬЕВА

**Ключ великой
императрицы**

**МОСКВА
2022**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

*Ранее роман издавался под названием
«Ключ к сердцу императрицы»*

Редактор серии *Е. Ирмеш*

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

Арсеньева, Елена Арсеньевна.

А85 Ключ великой императрицы : [роман] /
Елена Арсеньева. — Москва : Эксмо, 2022. —
320 с. — (Артефакт & Детектив Российской
Империи).

ISBN 978-5-04-168351-1

Лидия Дуглас давно мечтала начать собственное дело, и надо было такому случиться, что трудности возникли уже с первым клиентом — Алексей Рошин нанимает девушку для составления своего генеалогического древа. Его интересует история рода Рошиных, а конкретно персона его прапрабабки Ирины, от которой осталась карманная Библия, маленький старинный ключик, неизвестно что открывавший, и красивая история любви с Алексеем Рошиным, ставшего впоследствии ее супругом. Но счастье Ирины продлилось недолго, мужа убили из-за одной коварной особы. И теперь Алексей Рошин из века XXI просит Лидию разобраться со старыми семейными тайнами. В этом ей поможет золотой ключ. Он хранился в семье Рошиных несколько веков, и по преданию, способен открыть любую дверь и узнать любые секреты...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Арсеньева Е., 2022

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-168351-1

В былые времена она меня любила...

Денис Давыдов

Глава 1

КЛИЕНТ С КЛЮЧОМ

улыбаясь, проговорил клиент.

Лидия вскинула брови:

— Отчего же вы так думали?

Она не сомневалась, что голос ее звучит не менее высокомерно, чем голос клиента. А то и более. Во всяком случае, она старалась, как могла.

— Ну, понимаете... — Клиент смерил ее взглядом и замялся, словно многоточие поставил. — Реклама ваша... Как-то это, знаете ли... — Он пожал плечами раз, а потом и другой.

Лидия тоже пожалала плечами и тоже дважды. Ей как-то приходилось слышать о нейролингвистическом программировании, и она запомнила, что среди его видов существует так называемое кинематическое. А может быть, кинетическое. А может быть, как-то иначе оно называлось, но точно на букву «К». Да не в букве дело, а в том, чтобы, в точности повторяя жесты и телодвижения собеседника, таким нехитрым кинетическим (или все же кинематическим?!) способом его к себе расположить, внушить ему полное доверие

и глубокую симпатию к своей персоне. Это для Лидии было очень, очень важно, ведь сей господин — по фамилии Рошин, по имени Алексей, по отчеству Васильевич — был ее первым клиентом. И Лидия загадала: если она с г-ном Рошиным А.В. отработает как надо, стало быть, и замысел ее удастся, и дело пойдет. По принципу «хорошее начало полдела откачало»!

Но, строго говоря, Лидия очень хорошо понимала смысл клиентских нерешительных многоточий и пожатий его плеч. Сдержанная, неброская реклама, которую наша героиня разместила везде, где только позволяли ее более чем скромные средства, была лаконична: «*КЛЮЧ К ТАИНЕ*». *Составляю родословные, рисую генеалогическое древо семьи. Исследую историю вашего рода, семейные секреты ваших предков*. Однако, на взгляд человека понимающего, за этим немногословием скрывалась масса самой завлекательной информации.

В наше время, когда множество народу вдруг дуром разбогатело и сочло, что рабоче-крестьянское происхождение для них уже неактуально и даже, воля ваша, где-то не комильфо, спрос на внутрительные родословные очень резко повысился.

Генеалогический бизнес уже давно цвел просто-таки махровым цветом, в разнообразных оранжереях по выращиванию генеалогических древ трудились, аки пчелки, архивариусы всех мастей, порою не только с кандидатскими, но даже и профессорскими званиями. Однако в городе, где обитала Лидия, ниша сия еще не была заполнена.

И вот однажды, затосковав от корректорской поденщины в модном журнале «Я выбираю красивых людей!» (от их красоты уже челюсти сводило, будто от килограмма подпорченных лимо-

нов, съеденных без сахара), за которую платили удручающе мало, да еще и уверенности в завтрашнем дне не было никакой (многолюдный штат редакции был укомплектован исключительно «своими», за которыми стояли держатели акций и спонсоры, а Лидия была «чужая», за ней никто не стоял, да и не было у нее ничего, кроме репутации блистательного стилиста — это плюс — и занудной пуристки русского языка — это минус, — но кому в наше время, когда полностью всяких редакторских и корректорских программ, эта репутация вообще сдалась?!), она и придумала себе маленький побочный бизнес.

Строго говоря, клиент (г-н Роцин) был совершенно прав, назвав эту затею авантюрой. У нее не было никакого доступа в архивы, не говоря уже о спецхране. Она не имела ни малейшей возможности для проникновения в те самые чужие семейные тайны, исследование которых столь захватски пообещала своим гипотетическим клиентам.

Однако Лидия не только любила историю — она к тому же родилась на свет ужасной фантазеркой. Наверное, ей следовало бы сделаться писательницей, но вот беда: способности к сюжетосложению у нее были, мягко говоря, весьма средненькими. Она могла напридумывать массу захватывающих подробностей о жизни, манерах, страстях, поведении, одежде и быте людей, однако связать все это единым сюжетом, нанизать эти затейливо приготовленные кусочки на шампур, не побоимся этого слова, фабулы ей никак не удавалось. Познакомившись с ее попытками словотворчества и отметив восхитительную детализацию, издатели очень скоро начинали от пере-

избытка этих самых деталей зевать и, мысленно назвав автора занудой, писали ей «ответ с отказом» — когда любезным, когда не совсем. И в конце концов Лидия оставила мечты о том, чтобы сделаться русским вариантом Дафны Дюморье и Мэри Стюарт (это были ее любимые писательницы).

Однако, самонадеянно рассуждала наша героиня, когда обдумывала свой, выражаясь фигурально, новый бизнес, всякая родословная — это не что иное, как множество разрозненных сюжетных линий, слитых воедино мощным талантом самого гениального на свете автора — Судьбы. Лидия знала, что ей порою (а может быть, и частенько) придется напрягать фантазию, а проще говоря, привирать, однако никаких моральных препон выставлять себе не собиралась.

Она сделает все, что сможет, опираясь на максимум реальных, доступных сведений, которые предоставит клиент или которые ей удастся раздобыть. Но если дело дойдет до недоступных, придется-таки напрячь эту самую фантазию. Главное ведь, чтобы клиент получил удовольствие, читая историю своего рода. Главное, чтобы ему стало интересно. Чтобы ему было чем гордиться! И Лидия не сомневалась, что скелеты, которые воленсноленс прячутся в каждом шкафу, будут ее стараниями принаряжены в самые пышные одеяния!

А ее творческая, вернее сказать, генетическая лаборатория... Вход в нее будет закрыт для непосвященных. Всякое, в конце концов, ремесло имеет свои тайны, порою даже не слишком приглядные. Например, производство душистого мыла... На самом деле это ужас что такое! Менее благоуханное занятие просто трудно себе представить!

И вообще «когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда»...

Если уж стихи растут из сора и не ведают в том стыда, то родословным сам бог велел, считала Лидия.

— Кстати, ваша фамилия... — внезапно раздался рядом мужской голос, и Лидия рассеянно воззрилась на его обладателя.

Где же она его видела?..

Ох ты, господи, да это же ее клиент, ее первый клиент, явившийся в ее крохотный офис, который она контрабандно оборудовала в собственной корректорской, благо была ее единственной обитательницей, а в это крыло здания, которое снимала редакция «Я выбираю красивых людей!», практически никто не заглядывал (господа редакторы предпочитали вызывать скромную корректоршу в свои кабинеты). Лидия, задумавшись об истоках своего дела, начисто о г-не Рошине забыла, а он взял да и напомнил о себе. И правильно сделал!

— Моя фамилия? — осторожно переспросила Лидия. — А что с ней такое?

На самом деле она лукавила. Она отлично знала, «что такое» с ее фамилией...

— Да ничего особенного, — сдержанно усмехнулся г-н Рошин. — Но, честное слово, не каждый день встретишь человека с фамилией Дуглас. Ваши предки были иностранцы?

Лидия Дуглас вспомнила о нейролингвистическом программировании и тоже улыбнулась, и тоже сдержанно:

— Да.

И умолкла, несмотря на то что г-н Рошин явно ждал продолжения. Но штука в том, что Лидии

просто нечего было ему сказать. Поговорка о сапожнике без сапог в данном случае была весьма уместна! Об истории своей фамилии она ровным счетом ничего не знала, кроме того, что эта фамилия в свое время помешала ее деду поступить в университет, а ее прадеду она вообще стоила жизни. Собственно, это была фамилия ее отчима, Лидию удочерившего.

— Да, фамилия этакая... странноватая, — неодобрительно покачал головой г-н Рошин, так и не дождавшись рассказа о фамилии Дуглас, однако тут же расщедрился на снисходительную улыбку: — К счастью, ваша внешность внушает доверие.

Лидия в ответ тоже улыбнулась — довольно кисло, между нами говоря.

Нет, ну в самом деле, она совершенно не знала, как эти слова воспринимать. Наверное, как комплимент? В том смысле, что гладенько причесанная голова, закрученные в скромненький узелок русые волосы, круглые очки и демонстративное неприятие косметики, серая водолазка, серая же фланелевая юбка-макси и бареточки без каблучков, да еще со шнуровочкой, могли рекомендовать Лидию Дуглас с самой лучшей стороны? Г-н Рошин не мог знать, что подобный прикид (будем называть вещи своими именами!) являлся своеобразным протестом Лидии против упомянутой гламурности ее места работы. На эту самую гламурность у Лидии уже идиосинкразия выработалась; порой при виде глянцевого страниц с лупоглазыми «красивыми людьми», на которых пиджачки от разных там армани и прочих хьюго боссов сидели в точности как жокейские седла на буренках, у нее натуральные судороги начина-

лись, — вот она и спасалась таким нехитрым образом. И была просто счастлива, что этот ее унылый вид внушил г-ну Рошину необходимое доверие для того, чтобы наконец-то перейти к делу.

— Понимаете, Лидия Александровна, я тут кое-какие справки наводил и знаю, что бизнес этот, ну, составление родословных, — штука дорогая для заказчика, а для исполнителя — хорошо оплачиваемая. А я в настоящий момент, сказать по правде... — Г-н Рошин выразительно щелкнул пальцами, и Лидия словно расслышала в этом щелканье сакраментальные фразы: «Стеснен в средствах», «Поиздержался в дороге», et cetera, et cetera... — Понимаете, вот-вот в фирме ремонт закончили, да это бы еще ничего, но у жены (у второй жены, зачем-то уточнил он с затаенной улыбочкой) был день рождения, я ей «Мазду» купил, ну а первая жена, — теперь Лидия поняла, зачем потребовалось уточнение! — узнала, разобиделась, начала сына против меня настраивать... Пришлось ей тоже срочно машину взять, «Фольксваген», а сына отправить на каникулы в Альпы, на горных лыжах покататься. Сами понимаете, расходы понес немалые. Конечно, поступления на счет идут, но у нас как раз сейчас налоговые отчисления, то да се... Ну, сами понимаете. Кроме того, я ваших способностей, качества вашей работы еще не знаю. Поэтому вот какое предложение: мы пока не станем говорить обо всей родословной, а побеседуем только об отдельном ее фрагменте. Очень небольшом фрагменте. Как вы на это смотрите?

Лидия смотрела на него во все свои серые и довольно большие глаза. Она на него, можно сказать, пялилась!

Рискуя несколько отклониться от хода нашего повествования, скажем, что г-н Рошин этого вполне заслуживал. На вид ему было лет тридцать пять, то есть немногим больше, чем самой Лидии, однако во всей его внешности была видна повадка много испытавшего и очень уверенного в себе человека. Он был не то чтобы красив — он был весьма мужествен. Имел приятные, хоть и неправильные черты, и если лицо его и приобрело несколько ожесточенное, даже агрессивное выражение, то что же делать, господа, если жизнь, как говорится, такой?! Зато г-н Рошин не разъелся, не обрюзг, не обзавелся вторым или даже третьим подбородком, не отрастил себе омерзительное пивное брюшко, у него не заплыли глаза и не пробила плешь. Он был неброско, дорого одет, он был богат и добросердечен (купить первой жене баснословную машину только ради того, чтобы не завидовала своей преемнице, — это вам не кот начихал!), словом, он был мужчина хоть куда, и Лидия, честно говоря, сожалела о том, что предстала перед ним в виде столь унылого синего (серого, если быть точным!) чулка.

А впрочем, предстань она перед ним в образе самой очаровательной из всех очаровашек, словно бы только что сошедших со страниц глянцевого журнала «Я выбираю красивых людей!», это вряд ли побудило бы г-на Рошина взглянуть на нее благосклонно: этаких-то он небось видел-перевидел, они небось так и спархивают к нему со всех сторон, словно птицы — к святому Франциску Ассизскому... Нет, Лидия, наоборот, должна изо всех сил похвалить себя за то, что оделась со всей мыслимой и немыслимой невзрачностью, а потому голубые глаза г-на Рошина, густо опу-

шенные очень длинными и черными ресницами (ирландские этакие глаза, очень опасные, надо заметить, для всякого женского сердца!), глядят на нее с доверием и уважением, а вовсе не с каким-то там малопристойным намеком.

Лидия с тяжким вздохом похвалила себя, отвела взор от глаз г-на Рощина и спросила:

— О каком фрагменте идет речь? Вы что-то конкретное имеете в виду?

— Видите ли... — Г-н Рощин поерзал на стуле, устраиваясь поудобнее, однако это было невозможно, потому что это было невозможно в принципе, и он смирился. — Видите ли, Лидия Александровна, я хочу вам рассказать, с чего все началось. Я хоть и развелся с первой женой, но сына очень люблю. Мы с ним друзья. Я для него на все готов! Летом брал его с собой в Бургундию, это во Франции, — счел нужным пояснить он, и Лидия призадумалась было, обидеться на него за эту «сноску» или нет, но, поразмыслив, все же не стала мелочиться. — Мы гостили у моего бизнес-партнера, Виктора Марше, у которого я покупаю бургундские вина для своей сети магазинов, а у него дом неподалеку от Дижона, шато, можно сказать, весь увешанный портретами предков. Дочку его зовут Жюли, с ней мой сын очень подружился, и она ему о своих пращурах рассказывала. Соображучая такая девка, четырнадцать лет, всего на два года моего Лехи старше, а шпарит как по писаному: этот был прево¹ Ди-

¹ Прево (prevot) — во Франции XI—XVIII веков королевский чиновник, обладавший в подведомственном ему административно-судебном округе (превотаже) судебной, фискальной и военной властью.

жона в тысяча пятьсот каком-то году, этого в конце XVIII века гильотинировали в Париже, этот побывал в России вместе с наполеоновскими войсками, чуть не сгинул в наших снегах, этот погиб при Марне, этот был в Сопротивлении, а этот и вовсе в Святую землю с крестоносцами ходил... Всех и не упомнишь, у них там портретов дам и кавалеров — ну что тебе в Третьяковке! И Леха говорит мне как-то раз: «Пап, Жюли рассказывала, что Марше этим именем всех старших дочерей называют в честь русской гадалки, которая спасла того лейтенанта наполеоновского, предсказав ему, что мост через Березину будет разрушен, и он ей сначала не верил, а потом в последний момент на лодке переправился, в стороне от моста, так и остался жив, и вот теперь весь их род ее как бы благодарит».

— Русская гадалка по имени Жюли? — скептически пробормотала Лидия. — Во времена наполеоновского нашествия? То есть ее звали или Юлия или, всего вернее, Ульяна?.. Французский офицер и русская гадалка... Боже мой, какой сюжет для дамского романа! Однако, извините, я вас перебила, — спохватилась она.

— Ну, значит, мой сын мне заявляет, — продолжил Рощин: — «Пап, ты говорил, что у нас в семье старших сыновей всегда Алексеями называют, а мы не знаем, почему и в честь кого. Почему мы вообще только про дедушку твоего знаем, который автозавод строил? А до него разве никого не было? Я хочу про всех своих предков знать, хочу, чтобы у меня тоже их портреты были!» Я как это услышал, у меня прямо сердце кровью облилось. Мне тоже всегда хотелось знать побольше о своих дедах и прадедах! Но теперь все

концы оборваны. Дедов ни у меня, ни у бывшей жены не осталось, и если ее родители хоть что-то смутно знают о своих предках, то у нас — почти полная тьма.

— Почти? — быстро глянула на него Лидия. — Значит, кое-что все же известно?

— Кое-что. Практически ничего. Помню, что в пору моего детства хранилась в книжном шкафу небольшая карманная Библия, на которой почти выцветшими чернилами было написано: *«Ирины Михайловны Роциной собственность. Тысяча восемьсот четырнадцатый год. Господи, утоли моя печали!»* Очевидно, это была моя пра-пра... — Он махнул рукой. — Уж и не сочту, сколько этих «пра-пра» нужно поставить. Тысяча восемьсот четырнадцатый год, шутка ли, почти двести лет прошло! Еще в Библии лежал обрывок листка бумаги — желтого, такого истончившегося, похожего на засушенный лепесток какого-то цветка. Наверное, это было письмо, но чернила где расплылись, где выцвели, я помню, там можно было только несколько слов разобрать: *«...в честь моего обожяемого покойного супруга... Сегодня два года, день в день, как свершилось самое страшное, самое печальное событие в моей жизни... могу назвать именно ее коварной убийцей Алексея...»*

Честно признаться, больше я ничего уже не помню. В то время меня это совершенно не интересовало! Потом квартиру нашу обворовали, я тогда еще маленький был, пропала и Библия, и этот обрывок. Может, выбросили книжку воры, может, букинистам продали — теперь концов не найдешь. Но имя это и дату я очень хорошо помню, и вот почему припомнить пришлось. В нашем художественном музее выставка сейчас идет —

«Картины из частных собраний меценатов и дарителей». Честно вам признаюсь, — Рошин ухмыльнулся, — я в музеи редко хожу, работа, все такое, не до искусства. Меня на эту выставку вытащил все тот же мой французский приятель, Виктор Марше. Он на несколько дней приезжал в гости посмотреть, как наш с ним совместный бизнес развивается... Может, слышали, сеть магазинов «Марше дю вэн», «Винный базар»? Тут игра слов — его фамилия тоже Марше, он, по-русски говоря, Базаров...

Лидия, которая некогда окончила школу с углубленным изучением французского, а потом и соответствующий факультет лингвистического университета, неплохо знала французский, все же не стала уточнять, что в переводе не нуждается. Наша героиня была не только хорошо образованна, но и тактична.

А Рошин продолжал хвастаться:

— Прямые поставки из Бургундии, отличное вино, есть ординарное, но есть и двадцатилетней выдержки, настоящие коллекционные образцы!

— Знаете, — сконфуженно призналась Лидия, — вы только не обижайтесь, Алексей Васильевич, но я в винах вообще ничего не понимаю и практически их не пью.

— И правильно, и правильно, — хмыкнул Рошин весьма иронически. — Кто не курит и не пьет... Не зря БЭГэ еще в прошлом веке говорил, не пей, мол, вина, Гертруда!

Лидия хотела было уточнить, что слова эти принадлежат не столько БЭГэ, в смысле Борису Гребенщикову, сколько некоему ВЭШа, в смысле Вильяму Шекспиру, и сказаны о-очень задолго до прошлого, в смысле XX, века, но снова вспом-

нила о тактичности и сдержанно вернулась к утерянной нити беседы:

— Так что там произошло, на той выставке?

— Там был один пейзаж, — сказал Рошин. — Пейзаж да и пейзаж, ничего особенного, ну, природа, ну, погода... Но под ним висела табличка — вот я ее в точности списал.

И, достав из солидного кожаного портфеля (на благородно тусклом, словно бы состаренном временим замочке было написано: «Dr.Koffer») блокнот в столь же кожаной и столь же солидной обложке, раскрыл его и прочел:

— «Эта картина некогда была подарена музею автором, сведения о котором затерялись, поэтому она называется теперь — работа неизвестного художника. Однако, если судить по манере письма, она вполне может принадлежать кисти малоизвестного живописца Ильи Фоминичнина, примыкавшего к кружку передвижников и бывшего в юности крепостным человеком московской помещицы, вдовы известного доктора Сташевского, Ирины Михайловны Рошиной-Сташевской».

Рошин азартно взглянул на Лидию:

— А? Понимаете? Я как увидел эту подпись, сразу вострепнулся. Это же надо, какое совпадение!

— Ну да, — осторожно согласилась Лидия. — В самом деле, на книге подпись Ирины Михайловны Рошиной — и тут Ирина Михайловна Рошина... Но на книге стоит тысяча восемьсот четырнадцатый год. А передвижники — это когда? Кажется, тысяча восемьсот семидесятые — восьмидесятые годы. Долго же она прожила! Почти весь девятнадцатый век на ее глазах прошел, какие мемуары можно было бы написать, просто чудо! Но откуда же взялся этот Сташевский?

— Я думаю, — решительно сказал Рошин, — это ее второй муж. Дети у нее — мои предки — были от Рошина, может быть, от того самого, в честь которого у нас всех старших сыновей называют Алексеями, а потом он был убит какой-то коварной особой — и она вышла за Сташевского.

— С таким же успехом коварно убитый Алексей Рошин мог быть братом этой Ирины Михайловны, — возразила Лидия. — Она просто-напросто не поменяла фамилию после замужества, а присоединила ее к своей девичьей.

— Да ну, вряд ли... — покачал головой Рошин. — Это уж такая редкость была, чтобы сохранить девичью фамилию.

— И все же сохраняли, если она была чем-то особенно знаменита.

— Ну вы слышали о какой-то знаменитости по фамилии Рошин?

Лидия подумала и честно призналась:

— Нет. Только в «Хождении по мукам» был такой персонаж — Вадим Рошин.

Взор клиента остался чист и незамутнен, и Лидия решила не углубляться в интеллектуально-непролазные дебри и с очередным приливом тактичности пробормотала:

— Но мы очень мало знаем даже об истории страны, что уж говорить о так называемой частной истории? Можно только гадать о том, почему этой Ирине Михайловне была так дорога эта фамилия.

— Например, — упрямо сказал Рошин, — это была фамилия ее первого мужа, человека, которого она очень любила, детей которого растила, а за Сташевского вышла... ну, мало ли, просто чтобы жить легче было.

Лидия посмотрела на своего первого клиента с

интересом. Да он сам задает ей сюжет! Миф первый: «Алексей и Ирина»... Ну что ж, тем легче будет Лидии сочинить эту историю. Наверное, узнай она каким-то невероятным образом истинную подоплеку отношений первого Алексея Рощина и этой Ирины Михайловны и окажись это не любовные отношения, совладелец сети магазинов «Марше дю вэн» будет страшно разочарован!

— А почему, если старшие сыновья в вашей семье всегда Алексеи, ваше отчество — Васильевич?

— Потому что мой отец был младшим сыном, — усмехнулся Рощин. — Но его брату Алексею не везло — у него одни девчонки рождались. И я получился старшим сыном в семье. И ношу это имя. А потом так своего сына назвал. И он своего назовет. Вот если бы еще узнать, кем он был, этот Алексей Рощин...

— Если принять вашу версию любви и брака, в тысяча восемьсот четырнадцатом году Ирина Михайловна уже была за ним замужем, — задумчиво сказала Лидия. — Только что окончилась Отечественная война, то есть в России она окончилась, но еще шла во Франции. Очень может быть, что он воевал или даже погиб на этой войне.

— Не забывайте о коварной убийце! — напомнил Рощин. — Алексей не погиб на войне! Возможно, о его убийстве было известно в полиции? Или какие тогда были карательные органы, черт их знает?.. Вам надо, короче говоря, подобраться к архивным документам, которые касаются начала тысяча восьмисотых годов. У вас есть доступы в архивы?

Лидия многозначительно повела бровью.

А что ей оставалось делать? Только и поводить

бровью! Не признаваться же, что никакого до-
ступа нет и в помине!

— Да я все понимаю, — кивнул Рошин. — Ту-
да так просто не подберешься. Я что хочу сказать?
Я все эти разговоры о своих тратах зачем заводил?
Затем, чтобы подойти к теме о гонораре. За ин-
формацию об Алексее и Ирине Рошинных я за-
плачу тысячу долларов аванса. Вы сможете рас-
ходовать эти деньги на, как бы это выразиться,
смазывание дверей, через которые должны прой-
ти в архив. Потом представите мне отчетец, сколь-
ко на эту смазку израсходовано. Это у нас прой-
дет по графе представительских расходов. А ваш
собственно гонорар... Две тысячи долларов вас
устроят? Или лучше в евро?

— Лучше в евро, — эхом отозвалась Лидия.

— В смысле, я хочу сказать, в рублях по курсу
евро, — уточнил Рошин, и на эти его слова тоже
откликнулось эхо:

— ...по курсу евро...

— Вы предпочитаете на счет или наличными?

— ... или наличными...

Рошин подозрительно посмотрел по сторонам,
словно дивясь, что у такого тесенького помеще-
ния такая мощная акустика, и это дало Лидии
возможность взять себя в руки.

Нет, ну в самом деле, придержи свой восторг!
Неприлично, честное слово, так радоваться пре-
зренному металлу, вернее, презренной бумаге!
Неприлично показывать, насколько тебе осточер-
тело безденежье, насколько ты устала от него.
Насколько хочется позволить себе какую-то не-
ожиданную радость — вроде поездки в Турцию
или, к примеру, в Египет... ни там, ни там ты ни-
когда не была... кажется, сейчас уже нет на свете